

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

ЗУЛЬФИЯ

ВЕРНОСТЬ

СТИХИ

Перевели с узбекского

В. Державин

В. Липко

А. Кочетков

Л. Пеньковский

С. Сомова

Ник. Ушаков

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ 1943



Творчество Зульфии

Небольшую книжку лирических стихов узбекской поэтессы Зульфии читаешь и перечитываешь с большим удовольствием. Целый ряд строк и строф, написанных Зульфией, дают подлинную радость, приносят ощущение жизни, тепла, веру в счастье.

В них сочетается простота, выразительность и меткость эпитета, умная наблюдательность и подчас сложный композиционный ход, например, в маленькой поэме „Его Фархадом звали“.

За время войны узбекская поэзия сделала очень много. Мы привыкли с уважением относиться к работе узбекских поэтов над военной тематикой — так много темперамента, ясности и патетичности внесли они в тему отечественной войны.

Стихи Зульфии занимают в военной поэзии Узбекистана совершенно особенное место. Прежде всего, в них огромную, иногда доминирующую роль играет природа, именно природа Узбекистана, — то мощная, то нежная, но вся в цветах, в птичьем щебете, в великой радости существования. Эта природа, как ласковая мать, как возлюбленная, неразрывно связана со всей жизнью лирических героев стихов Зульфии. Близость к природе, близость к земле родины — вот что проходит красной нитью в стихах даровитой поэтессы. Недаром,

Когда она обращается к герою, ушедшему на фронт, он для неё — садовник страны, ушедший далеко защищать родную землю:

„Садовник далёко. Он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, твой любимый, он там защищает
Великое дело великой страны“.

Она шлет свои стихи, как розы, на фронт. Она мечтает о том, чтобы эти розы — „гонцы негаснувшей страсти“ вливали в сердце героя львиную отвагу. Она целует возвращенные садовником розы и чувствует рядом его сердце. С большим изяществом Зульфия начинает свои стихи о родине, — без нажима, очень скромно и в то же время выразительно:

„Здесь родилась я. Вот он домик наш,
Супэ¹ под яблонею земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.
В садах зеленых улечек клубок,
Гранат в цвету над пыльною дорогой.
И в свежей сени рощи — родничек,
Осколок зеркальца луны двурогой“.

Война, гнусный фашизм, звериные орды Гитлера проходят смерчем по прекрасным странам. Становятся мертвы поля и отравлена земля. Эту физическую боль природы, неразрывно соединенную с великой человеческой болью и страданием, так ясно ощущает поэтесса, так выразительно передает в своих стихах.

В стихотворении „Мы встретимся“ она, откликаясь на известные стихи М. Исаковского, говорит слова бодрости и надежды русской девушке Татьяне:

„Погибнуть в плену мы тебе не дадим,
Крепись и свободу желанную жди.
Ты косы цветами украсишь опять,
Мы встретимся с нашей Татьяною — жди!“

¹ Супэ — глиняное возвышение для сиденья или спанья, устраиваемое во дворе или саду.

Так будет освобождена земля, и освобождены прекрасные люди обреченные фашизмом на мученья. Грядущая победа для Зульфий всегда видится в цветах, в солнце, в красках, ярких и радостных, близких к природе. В этом смысле исключительный интерес имеет поэма „Его Фархадом звали“. Это — поэма об артисте, исполнителе роли Фархада, певце, погибшем на фронте. Она написана с подлинным талантом, очень твердым пером. В ней беспрерывно пересекаются три плоскости: узбекского пейзажа, площадки театральной сцены и поля битвы.

Это, прежде всего, показатель хорошей технической манеры.

Поет Фархад на сцене, под звуки оркестра, и в это время оживает вся природа.

И горы повторяли эту песнь,
И ветры поднимали эту песнь,
Стонали горлилки в тени садов,
Учили песне маленьких птенцов,
И рыбки золотые в ручейках,
Заслушавшись, вставали на хвостах.

Вся природа продолжает эти страстные, чудесные мелодии, происходит преобразование природы в искусстве, в стремлении к счастью.

Здесь вселенная становится театром, а театр всей землей. И это звучит уже не голос актера Кабуль Кари, а голос героя. И ночной театр гремит овацией песни Фархада:

„ На родине меня Фархадом звали,
А здесь в ущельи я — каменотес.
Сквозь груды гор и пасмурные дали
Любовь и верность в сердце я пронес.
Умру — омойте розовой водой,
Из диких роз сотките саван мой“.

И вот, вот уже поле битвы, грохочут орудия. Певец смертельно ранен, но в его глазах неудержимый гнев. Он побеждает смерть, которая сидит в отдалении на камне, для того, чтобы спеть свою песню о том, что и здесь на поле смерти он — каменотес, что в его сердце — любовь и верность. И видит он свою родину, мучительно люби-

мую, с необыкновенной интимной отчетливостью возникающую перед его глазами, вплоть до каких-то крохотных, хватающих за сердце подробностей:

И белый дом, и глиняный дувал,
И мать над псстрой горкою пиал.

Он хочет петь о счастье. Он снова на сцене. Но впереди кровавое видение войны, страшные жертвы осатанелых врагов, виселицы, и кипит в глазах его ненависть, и видит он горы вражеских трупов, которые он нагромоздил. Звучит великая песня ненависти, священной ненависти во имя победы, и последний раз поет Кабуль Кари свою песню, песню каменотеса, песню о любви к родине, и над мертвым певцом — сыном народа, стоят друзья на берегу Днепра.

Эта вещь очень значительна в творчестве Зульфийи и чрезвычайно характерна для ее мироощущения. Где бы поэтесса ни говорила о земле, о любви, о войне, всюду оптимистическое, жизнеутверждающее начало звучит в ее стихах полным голосом. Она не преуменьшает горя, ужаса и трагичности войны. Нет, но она верит, что придет, как весна, победа, именно как весна со всей неизбежностью, потому что весна приходит, несмотря ни на что. Тогда вернется любимый, тогда пробудятся народы от страшного сна, тогда зацветет вся природа:

Но верю, знаю, — что настанет он —
Великий прздник наш, что мой любимый,
В сады родные, где цветет райхон,
Вернется и живой и невредимый.

В стихотворениях „Весна“, „Сюзанэ“, и вообще во всех стихах Зульфийи поэтесса живет единой жизнью со своей землей и обретает в этом лирическую силу, остроту и тонкость поэтической передачи.

В. Луговской





Садовник далёко

Когда я тебя провожала, любимый,
Стояли морозы. А нынче — весна;
В саду распускаются нежные розы...
А сердце с тобою, а сердце без сна!.

Чуть солнце зардеется, в сад выхожу я —
„Скажите мне, розы, скажи мне, мой сад:
Где добрый садовник ваш, где он?!“ А розы
Раскроют бутоны и так говорят:

„Садовник далёко. Он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, дорогая, он там защищает
Великое дело великой страны,—

Чтоб нивам сожженным, чтоб сломанным розам
Восстать, возродиться, расти и цвести,
Чтоб в дыме пожарищ мятущимся птицам
В гнездовья вернуться и гнезда сплести.

Чтоб ложь перед правдой смирилась навеки,
Чтоб девичьи очи не гасли от слез,
Чтоб юноша девушке нежные розы
Рукой, победившей врага, преподнес.


Он там, твой любимый, он там, где герои
За дело свободы сраженье ведут.
Так пусть же отважным героям народным
Их девушки розы свои отошлют.

И ты отошли нас в подарок герою,
Гонцами негаснувшей страсти пошли,
Чтоб в непогодь злую, в лихую опасность,
Любовью твоей мы его сберегли,

Чтоб нежностью нашей, чтоб нашим дыханьем
Дышать ему в тяготе дымных боев,
Чтоб львиная в сердце вливалась отвага,
Чтоб слава с ним рядом — навеки веков!“

Вот так, на рассвете, я слушала речи
Цветов обновленных, и, сердце раскрыв,
Припала я к розам, тобою возвращенным,
Всю душу мою в поцелуй перелив.





Сюзанэ

„ Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию—гроза,
А я твержу твое коротенькое имя“.

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой — джигита полюбив,
Цветное сюзанэ невеста вышивает.
И вот, шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной, как радуга блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор —
И роза, и райхон, и астра золотая
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзанэ,
Иголки острие мне укололо руку,
Запахла дымом даль. В пороховом огне
Ворвались к нам враги. И принесли разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой
И за твоим конем я шла полна тревоги,
„Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой“—
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

Я жду и жду и жду... Вслед за тобою, вдруг,
Ушла моя весна. Цветы не расцветают.
И очи не глядят. Уныло все вокруг,
И радость только в том, что письма прилетают.

На память о весне осталось сюзанэ,
Ладонью провела по шелковому свитку,
И губы закусив, в тревожной тишине,
Во весь размах руки разматываю нитку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои
И на шелку стежки, как строчки на бумаге.
И это сюзанэ — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзанэ мы развернем узоры.
Как солнце поутру оно осветит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг,
Он ярк словно сад во время листопада,—
Замысловатое искусство женских рук,
Забава для тебя и для меня — отрада.





Отважным

(Делегатам-фронтовикам)

Вестники победы, вам — привет!
Как своих, встречаем вас, друзья.
Жен, невест беспечных больше нет.
Дышет фронтом каждая семья.

Это вы — про славные дела
Нам рассказ впервые привезли,
Полные разлуки и тепла
Нам слова родные привезли.

Вы — в глазах у всех и у меня.
Видим: тает недругов толпа.
Ваша месть — с высокого коня
Мечет смерть во вражьи черепа.

Вы в бою не дрогнете. В сердцах
Не угасла дедовская честь.
Есть у вас и крыльев гордый взмах
И отвага пламенная есть.

Дышем — вами. Знаю — месть близка,
Час победы — верю — недалек.
Каждый взлет родимого клинка
Зажигает на земле цветок.

И чем больше гибнет тех зверей
От руки отважной и родной,
Чем их больше гибнет, — тем скорей
Стужа смерти сменится весной.

Мы вас ждем. Глаза истомлены,
Ночь разлуки душу обожгла.
Мы вас ждем. Не надо нам луны:
Вашей славой наша ночь светла.

Мы вас ждем, отважные. В саду
Засверкали ветки миндаля.
Сон бежит от девушек. Труду
Раскрывает грудь свою земля.

Мы вас ждем с победой. Этот час
Снимет с сердца бремя всех тревог.
Будет праздник радости у нас,
Будут розы цвести у ваших ног!





Мы встретимся!

*Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти.*

М. ИСАКОВСКИЙ

Я слышу, Татьяна, твой голос, твой стон,
Что рвет мое сердце на сотни частей.
Где смех твой, где юности чистой расцвет?
Чьей жертвой ты стала? Кто подлый злодей?

Мы жили, заветных мечтаний полны,
Как свойственно людям в счастливом краю.
Не зная невзгод, твой народ процветал,
Лелея заботливо юность твою.

Но кружится смерть над твоей головой,
И слезы твои — кипятка горячей.
Земля содрогается, слыша твой плач.
И видя глумленье твоих палачей.

Но — жертва насилья — во вражьем плену
Душою отвергла ты рабства позор.
Татьяну рабынею сделать нельзя, —
И смерть палачам твоим — наш приговор!

За шелк твоих кос, что топтали враги,
За то, что касалась их вражья рука,
За каждую горькую капельку слез,—
Прольется их крови поганой река.

Пусть хищник вонзил свои когти в тебя,—
И в хищных когтях — избавления жди.
Возмездия руку простиер твой народ,—
Крепись, набирайся терпения — жди.

Да, жди — хоть бы к горлу приставили нож!
Мы вырвем тебя из палаческих лап,
Из пасти драконьей мы вырвем тебя,—
Клинок наш остер и кулак наш не слаб!

К тебе наши грозные танки пойдут,
Гудя, самолеты к тебе полетят,
Отважные всадники пустятся вскачь,—
Врагам отомстят, а тебя защитят.

Погибнуть в плену мы тебе не дадим.
Крепись — и свободу желанную жди!
Ты косы цветами украсишь опять,—
Мы встретимся с нашей Татьяною,— жди!





Отомсти!

Вчера домой с заката весть пришла,
И сердцу, что надеялось и ждало,
Гася надежду, горе принесла.
И мир померк и в мире тесно стало.

Лишилась сына мать, дитя — отца,
Любимого любимая лишилась.
Отчаяньем растерзаны сердца,
Опора милой жизни сокрушилась.

Израненный, он в плен захвачен был,
Но — даже по локтям веревкой скручен,
Врага, как пульей, каждым словом бил,
И на допросе зверски был замучен.

В нем ненависть без края и конца
Жила к врагам. Ничья невластна сила
Была над ней. И сердце храбреца
Рука палачья злобно поразила.

Хоть лютых пыток было снести невмочь,
Он снес — ни стоном честь не опозоря.
И плачет мать теперь и день и ночь,
Потух очаг и домом правит горе...

Горит в костре неуголимых мук,
Замученного юная подруга.
Месть! Только месть! О выслушай, мой друг!
Лишь в мести исцеленье от недуга!

Так отомсти за них, могучий мой,
За раннее вдовство сестер прекрасных.
За каждого малютку, сиротой
Родящегося, и за всех несчастных.

Мсти, мой бесценный, месть твоя свята,
Как слово клятвы, как огонь молитвы.
И братьев лава грозная густа,
Летящая грозой на поле битвы.

Мсти, мой любимый! Чтоб под мирный кров
Шипящим гадом горе не вползало.
Чтоб само семя племени врагов
Иссохло, чтобы в мире их не стало!





Эти места — моя родина

Здесь родилась я. Вот он домик наш,
Супэ под яблонею земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых — уличек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой.
И в свежей сени рощи — родничек,
Осколок зеркальца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Сожженные свирепым солнцем степи,
Пустынь песчаных огненный простор —
Для глаз моих полны великолепия.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла,
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила.

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,
Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну повторяла.

Когда в садах звенели соловьи
И им в ответ, смеясь, цвели сумбулы,
И с ними песни родились мои,
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И — лучшие из всех, рожденных мной, —
Напевы посвятила я отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька услада жизни.

А без нее, без милой мне земли,
Душе моей любимый мил бы не был,
И дети б увядали — не цвели
Под омраченным скорбью чуждым небом.

Вот почему мне родина милей,
Чем свет, дороже, чем зеница глаза,
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел.
Мной овладела ярость без предела,
За каждый дом, который там горел,
Грудь моя жаждой мести пламенела.

О жатва смерти, о кровавый пир!
О хлеб несжатый, пламенем объятый!
И темен стал и тесен стал мне мир
Под тучей черной, тучею проклятой.

Там мой любимый рубится в бою
С неисчислимой вражескою силой,
Там брат мой юный пролил кровь свою,
Врагов без счета уложив в могилу.

Но верю, знаю, — светлый день придет, —
Исчезнут эти тучи с небосвода
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

Но верю, знаю, — что настанет он —
Великий праздник наш, что мой любимый
В сады родные, где цветет райхон,
Вернется и живой и невредимый.

И с пламенной надеждою вперед
Я устремляю жадные зеницы
В грядущее. И ярко предстает
Мне в гордом торжестве своем столица.

И вижу Кремль и вижу тот дворец,
Где наших мыслей дышит средоточье,
И он, наш полководец и отец,
Наш мудрый вождь мне видится воочью.

И, верою незыблемой полна,
В победу нашу — саз беру я в руки.
Тебе — о мать, — тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!





Тает снег...

Солнце сыплет пригоршни огня,
Тает снег под взмахом ветерка.
Склоны гор зеленым оттеня,
К нам летит весна издалека.

Проплывает белая гряда,
Разбиваясь в голубой волне.
У подножий прилегли стада,
Прядают газели в вышине.

На ветвях — зеленые чалмы,
На стеблях — цветистые глаза.
Скоро, скоро, сбросив плен зимы,
Запоет любовная гроза.

Ветерок, над пашней протянув,
Пробуждает воинов полей,
Приложив к алмазной флейте клюв,
Их в поля сзывает соловей.

Флейта будит мужество в груди:
„Хочешь ты, чтоб милый победил —
Гневным плугом землю борозди!
Ты нежна, но руки полны сил.

Помни, мать, чей сын ушел туда,
Помни, девушка моей страны:
Коль иссякнет мужество труда,—
Оскудеет мужество войны.

Каждый грозно вскинутый кетмень
Нам сулит великий урожай.
Призывай победоносный день,
В ночь расплаты — дьявола ввергай!

Слово клятвы облетает круг —
Над землей, стряхнувшей зимний сон.
Человек сурово движет плуг —
„Смерть врагу посею!“ — шепчет он.

Солнце сыплет пригоршни огня.
Тает снег под взмахом ветерка.
Склоны гор зеленым оттеня,
К нам летит весна издалека.





Весна

Небо ярко-голубое,
Тучки не увидишь в нем.
Вся земля передо мною
Расцветает с каждым днем.

Роща зеленеет снова,
Сад зеленый яснолик.
От тюльпанов степь пунцова,
И не степь она — цветник.

И фиалка молодая,
Расцветая в тишине,
Звонких соловьев скликая,
Говорит им о весне.

Радостным горят рассветом
Неба дальние края.
Над весенним первоцветом
Льется песня соловья.

Заглянуло солнце в горы.
Степи ясные цветут.
Изумрудные просторы
Оживил отрадный труд.

Над землей весны дыханье,—
Выйти в поле — самый срок.
На поле идут дехкане,
Их ласкает ветерок.

Черноглазы и румяны
Девушки среди степей,
Словно нежные тюльпаны,
Сердце радуют людей.

В поле хорошо на воле
Встретить золотой восход.
Трактор ходит в вольном поле,
Трактор девушка ведет.

Дышат утренней порою
Сотни, тысячи цветов.
Расцветает все живое,
Нет для чувства берегов.

Видя весь расцвет природы
Все цветы и все цвета,
Просиял белобородый
Уважаемый ата.

Блещет небо голубое.
Блещет степь. Простор широк.
В час весны прекрасней вдвое
Счастья нашего цветок.

Человек весной моложе,
Ведь душа весной полна.
Наше будущее — тоже
Беспредельная весна.





Стихи в честь тебя

Прославляю тебя, воспеваю,—
Бесконечно ты мне дорога.
На равнине от края до края
В золоченых ларцах жемчуга.

Это хлопок блестит пред тобою:
Озаренная солнцем пахта,
Словно счастье твое золотое,
Словно девичье сердце, чиста.

Ты коробочкам хлопка раскрыться
Помогаешь, свой труд полюбя.
Прославляю тебя, мастерица,
Воспеваю, сестрица, тебя.

Вдохновительница урожая —
Ты в поля уходила с зарей.
На работу тебя провожая,
Угасала звезда за звездой.

Я тебя воспевать не устану,
О тебе не могу я не петь:
Хорошо молодому дастану
Об ударнице нашей звенеть.

Мы гордимся тобой, героиня,
Бесконечно твой подвиг велик:
Где когда-то желтела пустыня,—
Там теперь серебристый цветник.





На мосту

В прохладный вечер на мосту
Горят две пары глаз...
И освещая высоту,
Сверкая, как алмаз,

Раздвинул месяц облака,
Потупил жаркий взор
И слушает издали
Чуть слышный разговор.

— Хоть верь, подруга, хоть не верь, —
Так юноша твердит, —
Но для меня весь мир теперь
В тебе единой слит.

Он ждет ответа. Но в ответ
Струится тишина.
А девушка — ни да, ни нет
Не говорит она.

— Боишься ты моей любви?
Кто огорчил тебя?
Скрывать огонь в своей крови
Кто научил тебя?

Он ждет ответа. И звезда
В ручье отражена,
А девушка — ни нет, ни да
Не говорит она.

— Скажи, что любишь, мой цветок,
А если слова нет,
Пускай хоть взгляда огонек
Заблещет мне в ответ,—

И месяц в облаке блестит,
Как в серебре алмаз,
Но тихо девушка стоит,
Не поднимая глаз.

Но вот, взглянула. И очей
Уже не отвела.
Румяной красотой своей,
Как роза расцвела.

В прохладный вечер над ручьем
Две пары глаз горят.
И звезды с месяцем тайком
Про счастье говорят.





Его Фархадом звали

*Памяти артиста Кабуль
Кари, — первого исполнителя ро-
ли Фархада в музыкальной дра-
ме „Фархад и Ширин“, погибшего
на фронте смертью храбрых.*

Над чернобурой горною грядой
Безоблачные небеса сверкали,
Зарницею вечерней золотой
На горизонте скалы полыхали.
И шел Фархад. И медлил возле гор,
Оглядывая замерший простор.

О чужестранке, чей лукавый взор,
Мгновенный взор, он в зеркале видал,
О девушке, что много лет с тех пор
Он безутошно по земле искал.
О счастья пел страдающий Фарахад
Средь опаленных золотом громад.

Звенели флейты, полные тоски,
И раскрывали розы лепестки,
Звучали сазы чистым серебром,

И затихал в ущельях дальних гром,
И пел Фархад — артист Кабуль Кари
В лучах узбекской розовой зари.

Волшебный голос плакал, как ручей,
И затихали струи в тьме ночей,
Любовью голос бархатный звучал,
И распускал свои косички тал,
И ароматом пряным напоен,
Темнозеленый расцветал райхон.
И горы повторяли эту песнь,
И ветры поднимали эту песнь,
Стонали горлинки в тени садов,
Учили песне маленьких птенцов,
И рыбки золотые в ручейках,
Заслушавшись, вставали на хвостах,
И, головы подняв из тихих нор,
Газели откликались с дальних гор,
И соловей, забывший петь, летел
Вдогонку песне, что Фархад запел.

Когда же он, исхода не найдя,
На серый камень голову склонил,
То камень серый, горько загрузя,
Вдруг пожалел, что не подушкой был.
Песчаный ветер сразу присмирел,
И воздух стать бальзамом захотел,
Стать одеялом захотела степь,
Пустыня — быть зеленою, как луг,
Ее колючки — розами расцвествь
Неудержимо пожелали вдруг,
И закачался над седым холмом
Степной тюльпан, как пиала с вином.
Когда же песнь замолкла в тишине —
Казалось: горы в снежной вышине
Продолжили задумчивый напев.
И пери горные, ладони к небу вздев,

Охваченные страстною мечтой,
Заплодировали чудной песне той.
Со всех концов взволнованной земли
Букеты роз газели принесли.
Со всех садов слетались соловьи,
К ногам певца неся цветы свои.
И всех людей открытые сердца
Звучали этой песнею певца:
„На родине меня Фархадом звали,
А здесь в ущельи я — каменотес.
Сквозь груды гор и пасмурные дали
Любовь и верность в сердце я пронес.
Умру — омойте розовой водой,
Из диких роз сотките саван мой“.
Так пел Фархад, Кабуль Кари так пел.
Ночной театр овацией гремел.



Над полем битвы сизый дым стоит,
На сером камне человек лежит.
Вот, он шевелится, вздыхает он
И голову приподнимает он —
Грохочут пушки. Никого кругом.
И только запад освещен огнем.
И вспомнил он, что шел вослед врагу —
Враг отступал, сжигая все в пути —
Что пуля грудь пронзила на бегу,
Но продолжал он за врагом ползти,
Но продолжал он по врагу стрелять...
Земля в крови. Обуглена трава.
По ней скользит он, порываясь встать,
Но снова никнет на-земь голова.
Какая боль... Но он не сдастся ей,
И нет предела ярости бойца.
Стране своей, возлюбленной своей

Он будет верен, верен до конца.
В глазах бойца — неудержимый гнев,
Он хочет жить, чтоб побеждать в бою.
Но смерть, на камень в отдаленный сев,
Простерла руку длинную свою.
И, глядя в мрак ее пустых глазниц,
Запел боец под вспышками зарниц:
„На родине меня Фархадом звали,
А здесь на поле я — каменотес.
В огонь войны, в пороховые дали
Любовь и верность в сердце я пронес“,
И камень пуст. И смерти нет на нем.
И только запад освещен огнем.

А небо, словно зеркало вдали,
Безбрежно над просторами земли,
И смотрит в это зеркало Фархад,
Чтоб увидеть Ширин ответный взгляд.
В стекле волшебном перед ним плывут
Цветы, что там, на родине цветут,
И белый дом, и глиняный дувал,
И мать над пестрой горкою пиал,
И взгляд прощальный старого отца,—
Все в небе-зеркале над головой певца.
А вот коснулся утомленных глаз
Цветного платья ласковый атлас —
По тропке старой, что к ручью ведет
Нарцисоглазая красавица идет.
А вот, площадка сцены и по ней
Идет Фархад среди пасмурных камней.
Про это счастье нужно петь и петь
И за него — не страшно умереть.
В глазах певца — неудержимый гнев,
Он хочет жить, чтоб побеждать в бою,
Но снова смерть, на камень рядом сев,
Простерла руку жадную свою.

Он смотрит в зеркало. И в нем отражены
Неизгладимые видения войны —
Развалины. Кровавых рек разливы
Изрытый бомбами, сожженный луг
И женщина меж черных веток ивы,
Повешенная на корявый сук.
Клочки ее одежды на дороге
И руки синие, схватившие кору,
Ее к земле протянутые ноги,
Дрожащие на медленном ветру.
А в стороне — под балками, под щепнем,
Ребенок звал замученную мать...
Какой герой, в каком стекле волшебном
Мог этот голый ужас увидеть?
Глядит Фархад, Кабуль Кари глядит,
И ненависть в груди его кипит.
А в зеркале, перед его глазами
Поплыли краснозвездные полки.
Целует небо дымными губами
В крови врагов омытые клинки.
Идут бойцы полями, городами,
Освобождают землю от врагов.
И девушки степными васильками
Встечают долгожданных храбрецов...

И все в пути, что он освободил
Небесный свод перед певцом явил,
И немцев всех, что он в бою убил,
Зеркальный свод перед бойцом явил.
Один, другой и третий, словно чорт,
Четвертый, на дороге распростет,
И вот из трупов целая гора
Темнеет на снегу из серебра,
Огромная, все небо заслонив,
Все зеркало волшебное покрыв,
А над вершиною горы, над ней

Кружится черной стаей воронье,
Сзывает ворон из лесов гостей:
„Кар — кар! На пир! Есть новое жранье!“
Кабуль Кари врагов убитых счел
И тихий взор от зеркала отвел.

Отвел глаза и видит пред собой
Друзей, с которыми пошел на бой.
Он командира среди них узнал
И, приподнявшись, медленно сказал:
„Друзья мои! Я очень жить хочу,
Но здесь, на камне, за спиною — смерть,
И перед тем, как снова замолчу,
Хочу я песню милую пропеть.
Я вам ее вполголоса спою,
А вы ее припомните в бою.
„На родине меня Фархадом звали,
А здесь на поле я — каменотес.
В огонь войны, в пороховые дали
Любовь к народу в сердце я пронес.
Умру — омойте розовой водсй,
Из диких роз сотките саван мой“.

И он затих. Дыханье затая,
Стояли неподвижные друзья.
А Днепр шумел. И плеском темных волн
Он повторял Фархада гордый стон,
Чуть падал снег. И словно, на лету
Снежинки повторяли песню ту,
И ветры уносили эту песнь,
И елочки твердили эту песнь,
И под снегами шевелясь едва,
Ее твердила нараспев трава...
И будет повторять ее весна,
Когда опять на землю к нам придет,
И будет повторять ее страна,
Когда опять цветами зацветет.

• • •

На берегу задумчивой реки
Темнозеленая сосна шумит.
И только надпись поперек доски
О храбреце покойном говорит:
„Здесь погребен боец Кабуль Кари.
Отдавший жизнь за родину герой“.
И солнце рассыпает янтари.
Над этою могилою простой
И звезды, проплывая небосклон,
К могиле наклоняются в пути,
Чтоб передать от родины поклон,
Привет страны узбеков принести.





Содержание

Творчество Зульфии. Статья <i>Вл. Луговского</i> . . .	3
√ Садовник далеко. Перевел <i>В. Липко</i>	7
Сюзанэ. Перевела <i>С. Сомова</i>	9
Отважным (Делегатам - фронтовикам). Перевел <i>А. Кочетков</i>	11
Мы встретимся! Перевел <i>Л. Пеньковский</i>	13
Отомсти! Перевел <i>В. Державин</i>	15
Эти места — моя родина. Перевел <i>В. Державин</i> . . .	17
Тает снег. Перевел <i>А. Кочетков</i>	20
Весна. Перевел <i>Ник. Ушаков</i>	22
Стихи в честь тебя. Перевел <i>Ник. Ушаков</i>	24
√ На мосту. Перевела <i>С. Сомова</i>	26
√ Его Фархадом звали. Перевела. <i>С. Сомова</i>	28

Редактор Ю. Арбат

Подписано к печати 9/VII 1943 г.
Р. 13482. Печ. л. 1¹/₈ по 60384 зн. Автс
л. 1,7. Тираж 2000 экз. Цена 2 р.

Ташкентская типография № 1. 1943
Заказ № 2456.